

Мужское тело как эротический объект.

Игорь Кон

Пенис и фаллос

Герой шуточного романа Альберто Моравиа «Я и он» тридцатипятилетний Федерико ведет постоянный диалог с собственным членом. Хотя его половой орган, по словам Федерико, только часть его тела, он очень гордится им: «Двадцать пять сантиметров в длину, восемнадцать сантиметров в окружности и два с половиной килограмма весом», «могучий и сильный, как дуб, с выступающими венами», «он» встает из моего живота почти вертикально, заметно поднимая простыню» и «взрывается у меня между пальцев, как только что откупоренная бутылка шампанского». Однако сплошь и рядом «он» не только существует сам по себе, но даже диктует хозяину собственную волю. Между Федерико и его членом идет соперничество и борьба за власть: «Когда же ты поймешь, поверхностный, легкомысленный человек, <...> что я - желание, а желание не имеет пределов?» (Моравиа, 2001, стр. 321, 388, 457).

Тема раздвоения и конфликта между мужчиной и его пенисом широко распространена в мировой литературе, начиная с гоголевского «Носа», где нос - всего лишь символ пениса. Автономия мужского члена - не просто метафора. Как известно, мужские члены значительно длиннее и толще, чем у самцов приматов. Средняя длина эрегированного пениса у самца гориллы - 3, у орангутана - 4, у шимпанзе - 8, а у человека - 15 см (Bonnard, Schouman, 1999, p.79). Гипотетическое палеоантропологическое объяснение (Sheets-Johnstone, 1990) связывает этот факт с прямохождением, в результате которого пенис стал более заметным и видимым, сделавшись из простого орудия сексуального производства также возбуждающим знаком

для самок и, самое главное, символом маскулинности для других самцов (по аналогии с оленями, у которых знаком статуса служит размер рогов). Возможно, именно это обстоятельство является конечной причиной, побуждающей мужчин прикрывать свой половой орган.

Однако важен не столько сам член, сколько эрекция, помимо физиологического, имеющая также социальный, коммуникативный смысл. Эрегированный член бросается в глаза, ему приписывается определенное социальное, межличностное значение. Неприкрытый, голый член может не только раскрыть важный секрет, но и подать неправильный сигнал, внушить ошибочное представление о том, чего мужчина на самом деле хочет. Согласно антропологическим данным, лишь очень немногие племена обходились без такого прикрытия, хотя бы чисто символического. Контроль за эрекцией - важнейший компонент и прообраз мужского самоконтроля. У ряда приматов взрослые самцы жестоко бьют показывающего свою эрекцию подростка, обучая его соответствующему этикету.

Символическое значение мужского члена выходит далеко за пределы репродуктивной функции. По выражению Камиллы Палья, эрекция и эякуляция - прообразы всякой культурной проекции и концептуализации, от искусства и философии до фантазий, галлюцинаций и маний: «Мужское мочеиспускание - своего рода художественное достижение, кривая трансцендентности. Женщина просто увлажняет почву, на которой она стоит, тогда как мужская уринация - своего рода комментарий... Кобель, помечающий каждый кустик на участке, - это уличный художник, оставляющий при каждом поднятии лапы свою грубую подпись». (Paglia, 1991, 20-21)

Конечно, это всего лишь метафора. Но недаром мальчишки часто соревнуются, сначала - чья струя сильнее, а затем - чья сперма брызнет дальше. Это хорошо описано в «Занавешенных картинках» Михаила Кузмина (Кузмин, 1996, с.356):

*Вот команда: враз мочиться;
Все товарищи в кружок!
У кого сильнее струится
И упруже хоботок.*

В этих мальчишеских соревнованиях явно присутствуют типично мужские мотивы соревновательности и достижения, и их естественная производная – исполнительская тревожность (самый распространенный мужской психосексуальный синдром).

Проблематичность взаимоотношений мужчины с его половым органом давно уже сформулирована как оппозиция пениса и фаллоса, тесно связанная с диалектикой голого и нагого. Хотя в обыденной речи и в сексологической литературе эти слова часто употребляются как синонимы, в культурологии и психоанализе (начиная с Лакана, 1958) они обозначают совершенно разные вещи.

Пенис – материальный анатомический орган, который шевелится у мужчины между ногами. Фаллос же не обладает материальным существованием, это обобщенный символ маскулинности, который всегда должен быть большим, жестким и неутомимым. Фаллические культы, существовавшие у всех народов мира и занимающие важное место в мужском обыденном сознании, подразумевают не плодородие, любовь или похоть, а могущество и власть. Недаром на древних наскальных рисунках мужчины более высокого ранга изображались с более длинными членами.

Слово эрекция также наводит на размышления. Латинский глагол *erigo*, от которого происходит прилагательное *erectus*, означает не только «ставить прямо» и «поднимать», но и «возводить», «воздвигать», «строить», а также «ободрять» и «воодушевлять». Еще Флобер иронически заметил, что это слово применимо только к монументам. Однако равноценный медицинский термин «возбужденный член», подчеркивающий, что речь идет о живом, динамичном, чувствующем органе употребляется гораздо реже. Хотя возбужденный пенис – штука гораздо более интересная, чем фаллос, мы ценим монументальность выше чувствительности.

Поскольку все мифопоэтические описания мужской сексуальности и её материального субстрата относятся не к пенису, а к фаллосу, наивно ожидать от них физиологического или психологического реализма. Так же как нагое тело не может быть голым, фаллос не может стать пенисом, и обратно. Чем выше наше почтение к фаллосу, тем меньше мы знаем о пенисе. В отличие от фаллоса, пенис застенчив, стеснителен, окутан тайной, спрятан от критического взгляда. Отождествление мужской власти с фаллосом оборачивается раздробленной субъективностью и хрупкой и ранимой мужской идентичностью.

Но далеко не все художественные изображения нагих мужчин можно назвать фаллическими. Развитой фаллический культ не мешал древним грекам наделять статуи своих богов и героев небольшими, прямо-таки мальчишковыми членами. Фаллический культ и связанные с ним образы существуют в греческой культуре независимо от изображений пениса. Это либо культовые, либо сексуально-эротические произведения. В обычных статуях и рисунках богов и людей греческие мастера отдают предпочтение небольшим, "мальчишковым" размерам, наделяя длинными и толстыми пенисами только похотливых и уродливых сатиров. Даже могучий Геракл на аттической краснофигурной вазе (530-430 до н.э.) наделяется маленьким, особенно по сравнению с размерами его тела, пенисом. И хотя русский хуй, в отличие от детской "письки" или "петушка", имеет явные фаллические притязания, он тем не менее подразумевает реальный, живой пенис.

Кто завидует пенису?

Коль скоро различие между пенисом и фаллосом создается взглядом, кто является субъектом этого взгляда? Чей взгляд в первую очередь конструирует и эротизирует мужское тело?

Если предположить, что мужчине важна прежде всего его сексуальная привлекательность, то главной мужской референтной группой должны быть женщины, именно их взгляд должен конструировать гетеросексуальное мужское тело. Но до самого недавнего времени все обстояло иначе.

По отношению к мужчине женщина всегда, или почти всегда, была "младшей". Он мог смотреть на нее, любоваться ею, трогать, "трахать" и изображать ее, обратное же было невозможно. Даже в современном, достаточно эмансипированном мире женщина зачастую может откровенно любоваться наготой своего любимого, только когда он спит. Слишком пристальное, даже любовное и ласковое, внимание к их гениталиям многих мужчин смущает. А уж сравнение их мужских достоинств с чужими и вовсе недопустимо. Фаллос существует не для того, чтобы его рассматривали, а чтобы ему поклонялись. Тем более не могли женщины обсуждать и изображать мужские достоинства публично (хотя и делали это в своей среде), даже в произведениях искусства.

Открытый и свободный женский взгляд на мужское тело практически был вне закона. Главной референтной группой для мужчин в этом, как и в большинстве других вопросов, всегда было и остается мужское сообщество. Но мужское сообщество является фаллоцентрическим и фаллократическим. Мужской взгляд, формирующий мужское групповое самосознание, является по определению соревновательным, отчужденным, завистливым, отталкивающим, неэротическим, даже кастрирующим. Этот взгляд не ласкает пенис, а превращает его в фаллос, культивируя, с одной стороны, зависть и чувство собственной неполноценности, а с другой - пренебрежение и высокомерие к другим. Фаллоцентризм, фаллический культ и фаллократия - разные аспекты одного и того же явления.

"Зависть к пенису", которую Фрейд приписывал женщинам, на самом деле гораздо сильнее обуревает самих мужчин. Как писал английский поэт Уистан Оден: "...если бы мужчине был предоставлен выбор - стать самым могущественным человеком в мире или обладателем самого большого члена... большинство выбрали бы второе. От зависти к пенису страдают не столько женщины, сколько мужчины" (Цит. по: Davenport-Hines, 1995, 32)

Восприятие и оценка собственного пениса по фаллическим критериям порождает у мужчин множество психосексуальных трудностей и коммуникативных проблем.

Если взгляд - это власть, то единственный способ избавиться от нее - не позволять другим мужчинам смотреть на себя (женщины не в счет - им "нечем" соперничать с мужчиной). Отсюда - особая мужская стеснительность и связанные с нею нормативные запреты. Существующие во многих религиях (например, в исламе и иудаизме) строгие запреты на демонстрацию собственной и на созерцание чужой мужской наготы мотивируются не столько страхом перед гомосексуальностью, сколько статусными соображениями. Чем так провинился библейский Хам, что его имя стало нарицательным? Он увидел наготу своего отца - а у пьяного Ноя был, конечно, не грозный фаллос, а обычный пенис - и посмеялся над ней. Помимо сексуальных запретов тут были нарушены статусные правила: младший не имеет права разглядывать старшего, это, как и взгляд в глаза, означает оскорбление и вызов.

Гигантский фаллос
(из раскопок Помпеи)

Интересный бытовой пример мужской сексуальной стеснительности - так называемое "правило третьего писсуара": при наличии в общественном туалете свободных мест мужчина избегает становиться рядом с другим, выбирая место через писсуар. Лет двадцать пять тому назад в *Journal of Personality and Social Psychology* было опубликовано об этом занятное исследование (к сожалению, я не помню фамилий авторов и вряд ли сумею найти ту статью). Исходя из известных урологических фактов - если мужчина испытывает тревогу, это вызывает у него трудности с мочеиспусканием, ему труднее начать мочиться и иногда он вынужден заканчивать, не сумев опорожнить мочевого пузыря, - авторы хотели экспериментально проверить, как действует в подобной ситуации появление соседа. Опыт состоял в том, что экспериментатор прятался в кабинке, а когда в туалет заходил очередной посетитель, рядом с ним пристраивался помощник исследователя. Реакцию (скорость начала и продолжительность мочеиспускания) "испытуемого" сначала пытались определить по звуку падающей мочи, но звукозаписывающая техника оказалась несовершенной, пришлось в "экспериментальной" кабине поставить специальный перископ, позволявший дополнить звуковые впечатления визуальными. Гипотеза, что вынужденное соседство действительно вызывает у мужчин тревогу и нарушает процесс мочеиспускания, подтвердилась, но статья подверглась критике по этическим соображениям, за нарушение приватности, - "испытуемых" не предупредили, что за ними наблюдают, и, насколько я знаю, больше таких опытов никто не ставил.

Другой пример повышенной чувствительности к взгляду - возражения американских военных против допуска в армию геев. Никто не опасался, что один или два гея изнасилуют или соблазнят всю роту. Однако, их присутствие воспринимается некоторыми мужчинами как психологическая проблема. Вынужденная телесная близость, отсутствие приватности, включая коллективное, по команде, выполнение естественных потребностей, создает психологическую напряженность, но одновременно сплачивает мужчин. По признанию Сергея Мирного: "Коллективное "мочение" как мало что еще способствует "боевому слаживанию подразделения" (это военный термин), сидение на очке в коллективе себе подобных воспитывает крепость характера, устойчивость психики и - это я без шуток! прочувствовал на собственном опыте - чувство слияния с массой - и я, так сказать, "этой силы частица". Командир, делающий "это" вместе с солдатами, не только не теряет лица, но становится к ним психологически ближе". (Мирный, 1999, 29)

Молчаливое предположение, что "нормальные" мужчины в этой ситуации не смотрят друг на друга, а просто заняты общим важным делом, зачастую неверно. Однако гетеросексуальный взгляд "программирует" мужчину в привычном для него направлении, тогда как гомоэротический взгляд пробуждает в нем нечто новое, тревожное и неприятное. "Натуральные" мужчины боятся гомоэротического взгляда ("Сержант, рядовой Джонс опять на меня смотрит!"), потому что он делает их объектом чужого сексуального желания, тогда как мужчине "положено" быть только его субъектом. Кроме того, мужчины опасаются непредсказуемости собственной реакции: а вдруг в ответ на его взгляд у меня "встанет", и тогда выяснится, что я сам "такой"?

Сходную ситуацию представляет баня. В голом сообществе себе подобных, где все равны, нет явной гомоэротики, зато присутствует очень важная для всех мужчин гомосоциальность - особое, основанное на исключении женщин, переживание мужской солидарности, в котором соперничество и ревность (в том числе из-за женщин) переплетаются с чувством органической общности, принадлежности к одной и той же группе ("мы - мальчишки", "мы - мужчины"). Если бы не гомосоциальность, то эмоциональные привязанности, товарищество и дружба между мужчинами были бы невозможны. Между тем, им всегда приписывается высочайшая ценность.

Моравиа, А. (2001) Я и Он. Избранное в трех томах. Т. 3. М. ТЕРРА. Книжный клуб

Bonnard, M., Schouman M. (1999) *Histoires du penis*. Paris. Edition du Rocher

Sheets-Johnstone, M. (1990) *The roots of thinking*. Philadelphia. Temple University Press.

Paglia, C. (1991) *Sexual Personae. Art and Decadence from Nefertiti to Emily Dickinson*. New Heaven. Yale University Press.

Лакан, Ж. (1958) Лакан Ж. Семинары. Книга 2: "Я" в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/1955) Пер. с фр. А. Черноглазова. М. Гнозис, 1999.

Davenport-Hines, R. (1995) *Auden*. New York. Pantheon Books

Мирный, С. (1999) - Мирный С. Нескучные черныбыльские рассказы. Контрапункт. 1999 №2, март.